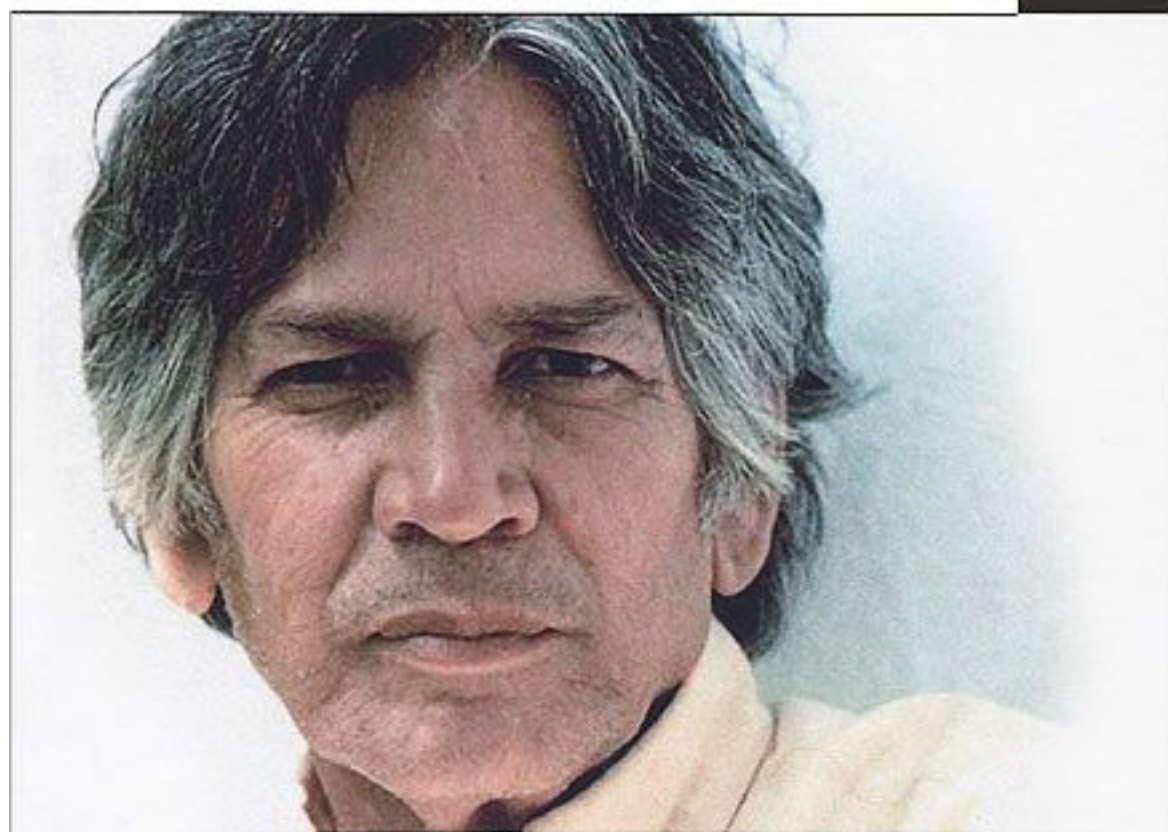

У. Г. Кришнамурти

БИОЛОГИЯ ПРОСВЕТЛЕНИЯ

РАННИЕ БЕСЕДЫ (1967–1971)
ПОСЛЕ ВХОЖДЕНИЯ
В ЕСТЕСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Упалури Кришнамурти
Биология просветления

«ИД Ганга»

1971

Кришнамурти У. Г.

Биология просветления / У. Г. Кришнамурти — «ИД Ганга»,
1971

ISBN 978-5-906154-08-8

У. Г. Кришнамурти (1918–2007) – наиболее радикальный и шокирующий учитель, не вписывающийся ни в одни существующие духовные и светские рамки и представления. В 49 лет с ним произошла грандиозная мутация, которая впечатляюще изменила его восприятие, работу всех его органов чувств и физиологию тела до уровня клеток и хромосом. Все накопленное знание было полностью выметено из него, в том числе и представление о независимом «я» и противостоящем ему обществе. В отличие от более поздних бесед, в этих ранних беседах У. Г. достаточно подробно описывает процесс вхождения в естественное состояние, видение, которое при этом открылось, и биологические изменения, которым подверглось его тело. Эти беседы также включают глубокие пояснения духовных традиций человечества. «Я открываю все тайны» – говорит У. Г. Никогда более он об этом не говорил. В числе участников бесед известный квантовый физик Дэвид Бом.

ISBN 978-5-906154-08-8

© Кришнамурти У. Г., 1971

© ИД Ганга, 1971

Содержание

Несколько слов об участниках бесед с У. Г. Кришнамурти между 1967 и 1971 гг	6
Часть 1	9
1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Уппалури Гопала Кришнамурти Биология просветления

Это должно происходить на уровне от человека к человеку; этого нельзя сделать в большой группе. И это не интерпретация какого-то учения; это не проливает свет на чье-либо учение или на какой-либо духовный текст. Я не излагаю интеллектуальный набор идей. Это порождено моим собственным духовным переживанием (воспользуюсь именно этим термином за неимением лучшего или более подходящего), которое раз и навсегда положило конец той структуре, которая способна получать какой-либо опыт.

На самом деле то, что я здесь говорю, проявляется благодаря вам. То, что здесь говорится, – ваша собственность, не моя. Все ограничения, все барьеры исчезли. Всё едино. Всё, что здесь происходит, происходит со всем человеческим сознанием. Вам не нужно ничего делать. Вам не нужно основывать фонд или сообщество. Не вам сохранять это учение для потомков.

У меня нет никакого учения. Нечего сохранять. «Учение» предполагает что-то, что можно использовать, чтобы вызвать какие-либо перемены. Здесь нет никакого учения, есть просто отрывочные и не связанные друг с другом предложения. То, что есть, – всего лишь ваша интерпретация, и ничего больше. По этой причине нет – и никогда не будет – никакого копирайта на то, что я говорю. Я на это не претендую.

Уппалури Гопала Кришнамурти

Несколько слов об участниках бесед с У. Г. Кришнамурти между 1967 и 1971 гг

Валентина де Кервен познакомилась с У. Г. в 1963 г. в индийском консульстве в Женеве, где она работала переводчицей. К этому моменту в жизни У. Г. стали происходить радикальные изменения. Именно Валентина предоставила для У. Г. дом в Швейцарии. Со временем она ушла с работы, но ее небольших сбережений и пенсии было достаточно, чтобы оба они смогли на них прожить.

Валентина де Кервен родилась в Швейцарии в августе 1901 г. Она была дочерью известного нейрохирурга и внучкой священника. В 18 лет покинула Швейцарию и уехала в Париж, чтобы жить самостоятельно. Она не верила ни в одну религиозную доктрину и во многом была революционеркой. Валентина открыто жила со своим другом Швабом, работником театра, что в те годы считалось неприличным. В 1954 г. они со Швабом приехали в Индию на ее «фольксвагене». Они проехали Ирак, Иран и Афганистан, а в Индии прокатились от Кашмира до Каньякумари. Так что к моменту знакомства с У. Г. в Женеве она уже была знакома с индийской культурой.

С момента той встречи в индийском консульстве жизни У. Г. и Валентины стали единым целым. Они оставались «компаньонами по путешествиям» почти до конца ее жизни. В 85 лет у Валентины появились признаки болезни Альцгеймера. К концу ее жизни она жила с семьей Чандрашекара Бабу и Сугуны в Бангалоре, где и умерла 20 января 1991 г. в возрасте 90 лет. В момент ее смерти У. Г. был в Калифорнии. Когда ему об этом сообщили, он тихо и неэмоционально распорядился относительно последних обрядов: «Ее тело можно кремировать без всяких обрядов, так как у нее не было никаких религиозных убеждений». У Валентины часто спрашивали, почему она посвятила свою жизнь У. Г. Она никогда не отвечала на эти вопросы. Все объясняет один небольшой абзац из ее дневника: «Где еще я найду такого мужчину, как он? Наконец я встретила мужчину; такого мужчину, которого очень редко встретишь».

Джон «Джэк» Хислоп и его супруга **Виктория** – известные последователи Сатьи Саи Бабы. Хислоп был влиятельным представителем Сатьи Саи Бабы в США, Индии и других странах. У него была степень бакалавра в сфере образования от UCLA, он был видной фигурой в движении за ТМ (трансцендентальную медитацию) Махеша Йоги в 1960-х гг. Позже он стал основателем и действующей главой всего движения Сатьи Саи Бабы в Северной Америке (с 1969 г. до своей смерти в 1995 г.). Его книги «Беседы с Бхагаваном Шри Сатьей Саи Бабой» и «Мой Баба и я» помогли представить Саи Бабу бесчисленным тысячам людей, в основном за пределами Индии. Джон Хислоп и Виктория также были пламенными приверженцами буддийской медитации – випассаны и недвойственного духовного учения Шри Нисаргадатты Махараджа.

Дэвид Бом – известный квантовый физик из США. Бом и Джидду Кришнамурти были близкими друзьями на протяжении более 25 лет. Кроме его работы в научной сфере он написал «Целостность и имплицитный порядок» и «Диалоги», которые стали следствием его длительных бесед с Дж. Кришнамурти и его собственных размышлений о природе Вселенной, ума и тела.

Дэвид Барри – офицер армии США в отставке. Жил в Оджай, Калифорния, и был страстным последователем Дж. Кришнамурти еще до того, как познакомился с У. Г. в Саанене в 1967 г. Он – один из тех немногих, кому посчастливилось наблюдать последствия есте-

ственного состояния, или биологической мутации, У. Г. Согласно У.Г., Барри помог ему опознать многих христианских и греческих святых, которые являлись ему в его «видениях». Барри хорошо разбирался в *адвайта-веданте* и индуистской мифологии. Он вместе с У. Г. ездил в Индию – три или четыре раза в конце 1960-х и начале 1970-х гг. – и именно его У. Г. называл своим «первым и последним учеником».

Поль Семпе – капитан буксира во Франции (в отставке). Впервые познакомился с У. Г. в 1969 г., когда пришел на беседы Дж. Кришнамурти в Саанене. Он был страстным последователем философии ненасилия Ганди. Каждое лето, посещая Швейцарию, возил У. Г. по стране. У. Г. всегда поддразнивал его, говоря, что тот «ударял свою лодку о камень, практикуя «неизбирательное осознание».

Лулу много лет была другом У. Г. Она впервые познакомилась с ним во время бесед Дж. Кришнамурти в Саанене – до того, как У. Г. вошел в естественное состояние. Ее отец, тренер лошадей, жил в Бангалоре во время правления англичан. Она вышла замуж за Эдварда Ани, иракского еврея, прямо перед тем, как познакомилась с У. Г. Сейчас оба они живут в Англии. Она часто подшучивала над У.Г. – например, вывешивала рядом с его шале вывеску: «Внутри проходят взрывные работы. Заходите – только под вашу личную ответственность!»

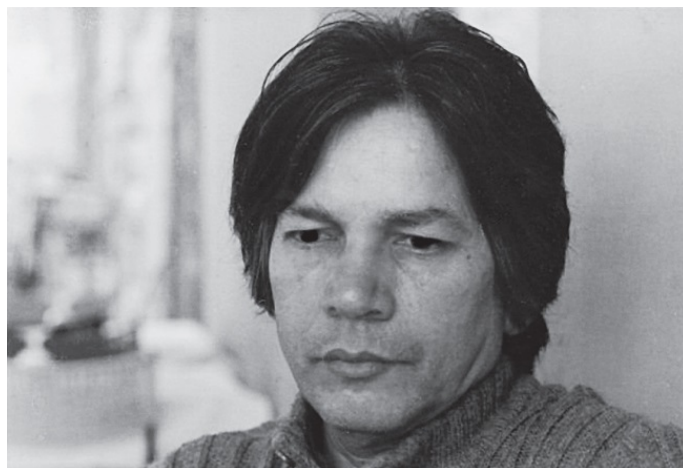
Суббарао был из ортодоксальной индийской семьи *брахмана* из Карнатаки и состоял в близком родстве с первосвященником Шрингери Шанкарой Питхамой, с которым У. Г. познакомился в 1968 г. Он был эрудированным знатоком санскрита и *адвайта-веданты* и также очень искренним духовным ищущим. Познакомился с У. Г. в Джайпуре и предложил ему свой домик для гостей на плантации кофе в Тиртхагунди, Чикмагалур, на время его пребывания. С тех пор У.Г. и Валентина, вместе с их западными друзьями, посещали кофейную плантацию каждый раз, когда бывали в Индии.

Сальваторе Соллела – итальянский архитектор из Рима. Принимал у себя У. Г. в Риме в течение одного или двух сезонов и часто беседовал с ним. Он был активным членом коммунистической партии Италии.

Тэрри Ньюланд – американец, в прошлом поклонник Дж. Кришнамурти. Жил в Милл Вэлли, недалеко от Сан-Франциско. Когда У. Г. и Валентина бывали в Калифорнии, он предлагал им остановиться в его квартире – У. Г. она нравилась, он называл ее «вороньим гнездом». Тэрри сочувствовал «левым». После того как познакомился с У. Г. в 1967 г., пытался написать его биографию – но безуспешно. Именно он редактировал «Ум – это миф». В начале 1970-х гг. ездил с У. Г. и Валентиной в Индию. Умер от сердечного приступа в 1990¹.

Генри Деннисон, родом из Калифорнии, – один из самых давних друзей У. Г. Возможно, он познакомился с ним еще в середине 1960-х гг. в Саанене. Генри и его жена Рут Деннисон ездили вместе с У. Г. в Индию в начале 1970-х.

Несколько других людей – Роберт Гусман, Рут Деннисон, д-р Пол Лин, Дуглас Роузстоун, Андреас, Марисса и еще некоторые, имена которых не фигурируют в тексте, также принимали участие в этих беседах. Там, где не смогли опознать людей по голосу, мы писали *В.* («вопрос») вместо имени человека.

Часть 1

1 События, приведшие к естественному состоянию, и биологические изменения * Ощущения и состояние незнания * Дж. Кришнамурти и его влияние * Околосмертное переживание

2 Природа ума и чистое сознание

3 Природа физических перемен, *чакры*, или энергетические центры

4 Источник мысли и ее непрерывность * Проблема языка и Дж. Кришнамурти * Биологическая мутация и выход за пределы животного мозга * *Сахаджа стхитхи*, или естественное состояние * Беседы с Дэвидом Бомом, миссис Бом, Дэвидом Барри и Валентиной (Саанен, 1968)

5 Исчезновение «я» и движение ощущений * Функция шишковидной железы, *аджня-чакры* * Тело – это электромагнитное поле; сгорание мыслей и энергия * Саи Баба, *вибхути*, или священный пепел * Беседы с Джоном С. Хислопом, Викторией, Дэвидом Барри, Валентиной и другими (Саанен, 1968)

1

События, приведшие к естественному состоянию, и биологические изменения * Ощущения и состояние незнания * Дж. Кришнамурти и его влияние * Околосмертное переживание

У.Г. Кришнамурти: Итак, вы видите, что вторая половина моей жизни самая важная в плане активности, изменений в моем мышлении. Но не думаю, что смогу что-либо рассказать о «самом начале». Однако я могу рассказать все по порядку, и пусть кто-то другой делает с этим что хочет. Это его проблемы. А что касается меня, я жду того момента, когда же наконец пойму, что это такое. Однако мне кажется, что это перманентное изменение, что нет пути назад и что это станет моим образом жизни. Возможно, я вообще забуду, как я раньше смотрел на вещи, какие идеи у меня были.

Сегодня утром я с кем-то разговаривал, и возникло чувство... Знаете, мне приходится каждый раз заново обнаруживать, как это чувство во мне возникает – будь то сексуальное, цветок или что-либо другое, все чувства одинаковы. Например, Валентина спрашивает, что приготовить. Обычно я бы отреагировал каким-то предложением, но сейчас даже такая простая вещь вызывает внутри определенное движение. Я не вижу разницы между одним чувством и другим – все они то же самое. Нельзя сказать, что вот это чувство связано с сексуальным, вот это – с гневом, это чувство того или иного; больше нет различения. Они просто создают своеобразный вид движения, и очень трудно выразить это словами или кому-то передать.

Джон Хислоп: Когда у вас возникает чувство – например, что-то вызвало раздражение или что-то вас напугало, – вы хотите сказать, что в каждом случае чувства практически одинаковые?

У. Г.: Что бы ты ни увидел и что бы ни услышал, оно вовсе не является ни пугающим, ни раздражающим. Я просто пытаюсь объяснить это чувство и привожу это как гипотетический пример. Четыре или пять недель тому назад я бы в подобной ситуации отреагировал иначе. Сейчас все совершенно по-другому; я просто не распознаю вещи. Предположим, вы спросите меня о каком-то блюде, например о манной каше. Я не знаю, какой у нее будет вкус, хотя я ел это блюдо всю жизнь; практически каждый день. Я действительно не могу представить себе это в уме – вкус этого блюда. Я знаю, что это – манка, я вижу ее у себя на тарелке, кто-то, возможно, скажет мне, как она называется. Но я не буду знать, какова она на вкус. Однако я буду знать, какова она на вкус, когда почувствую ее у себя на языке. И несмотря на то что там намешано много разных ингредиентов, язык чувствует вкус только доминирующего ингредиента этого блюда; для языка это самое главное.

Хислоп: А почему?

У. Г.: Это кажется весьма необычным, так как язык может почувствовать вкус только доминирующего ингредиента. Например, в карри четыре или пять ингредиентов, а язык ощущает только преобладающий – будь он соленым, острым, сладким, кислым или горьким. Всё остальное – на заднем плане; ты просто живешь своими чувствами, и нет ничего другого. Любопытно, что на эту тему написано в *упанишадах*: «Пребывая в медитации, ты берешь одно чувство и следуешь ему и, прислушиваясь к чему-то одному, впадаешь в состояние *самадхи*». Точно так же, каждое чувство независимо, нет установления соотношения с «чем-то». Если есть прикосновение, то оно просто есть.

Сейчас я вижу вас. И одновременно слышу пение птицы на улице. Я осознаю все это одновременно. Если я закрою глаза, то ничего не будет видно и я не смогу вернуть ваш образ, как бы ни пытался. Вчера я был в той комнате два часа, и вы тоже там были, но я едва могу

вспомнить, о чем же я говорил. Мне очень трудно припомнить, что там происходило; воскресить это в уме. Возможно, и нет никакого ума. Однако если я вновь вас увижу, то узнаю вас и вспомню, что вы ходили слушать беседы Дж. Кришнамурти и все такое.

Фактически детали все находятся где-то там, запертые в памяти. Я на самом деле не знаю, в чем смысл всего этого; мне нужно очень медленно все это рассмотреть и понять. Больше нет никакого опыта, но чувства функционируют очень хорошо – глаза, уши, запах, осязание и вкус – у меня только эти пять чувств, и тело невероятно живо. Глаза просто видят; нет никакого «видящего». Очень трудно сделать так, чтобы вы это поняли. Существуют концепции, но они никуда нас не приводят. Дж. Кришнамурти дает нам все эти концепции. Он постоянно говорит, что нужно смотреть на вещи без осуждения, отождествления, оправдания и всего прочего, но в тот момент, когда вы оказываетесь вовлеченными в эти фразы, вы вообще ничего не видите. Не знаю, понятно ли я выражаюсь. Глаза могут видеть, уши могут слышать, осязание может чувствовать, является ли что-либо мягким, твердым или каким-то еще. Если вы не видите, то и нечего видеть, нечего обсуждать: изящество, «зелёность» и все эти метафизические вопросы, которые мы на протяжении веков рассматривали с философской или какой-либо еще точки зрения, не имеют вообще никакого значения. Какой абсурд! Глаз существует, но для меня его нет, так как «глаза» не смотрят на «деревья»; есть только это визуальное осознание, слов нет; слова не приходят так, как раньше. Также нет никакого «слушания». Если я закрою глаза, уши... то там ничего нет, так как больше нет никаких мыслей, там абсолютная пустота.

Что же осознаёт эту пустоту? Это философские, метафизические вопросы, и мне кажется, что нет смысла во все это вдаваться; и на самом деле эти вопросы в моем уме не возникают. Например, привычные вопросы – «Существует ли Бог?», «Есть ли жизнь после смерти?» и «Существует ли реинкарнация?» – кажутся такими несущественными! Почему люди вообще их задают? У этих метафизических вопросов нет ответов. Однако все философы, все мыслители задумывались над ними и пытались на них ответить и создавали с этой целью целые организации. Но если вы зададите эти вопросы мне, я отвечу, что не знаю. Существует ли Бог? Это всего лишь слово. Что конкретно вы имеете в виду под этим словом? Почему человека волнуют эти вопросы? Я не знаю – хотя на протяжении многих лет проводил беседы и читал лекции по этим вопросам – я действительно не знаю (смеется).

Ладно, что бы я там ни делал, это уже в прошлом. Но если вы сегодня зададите мне такие вопросы, я вам не дам никакого ответа, так как и правда не знаю. Возможно, Дж. Кришнамурти нашел способ абстрагировать ситуацию и толкать вас в нее, чтобы вы все сами поняли и больше не задавали таких вопросов. Но я не могу вам помочь; возможно, еще слишком рано, чтобы что-либо уверенно утверждать. Наверное, нужно позволить этому какое-то время продолжаться и посмотреть, что произойдет – хотя на самом деле ничего не произойдет. Возможно, это то, как и вы будете на все смотреть, все ощущать и все слушать, так как нет никакого другого пути.

Хислоп: Дж. Кришнамурти никогда не говорит о самом процессе, посредством которого он пришел к просветлению. Наверное, он никогда этого не узнает; кажется, будто он это забыл.

У. Г.: Не думаю, что буду использовать слово «просветление» или употреблять какие-либо из этих слов и выражений, так как у них есть определенная коннотация. Видите ли, меня удивляет физический аспект этого состояния. Это то, что можно назвать радикальной трансформацией – я использую это слово, так как лучшего нет, хотя даже это слово стало затасканным – все говорят о трансформации ума и тому подобном. У меня для этого нет других слов, но это похоже на физический феномен. Это произошло в сфере физического существа. Если кто-то меня спросит, откуда вы знаете, что это с вами произошло, я смогу лишь сказать, что для меня это очевидно. То, как я вижу, слышу, ощущаю прикосновение, запах и вкус, – все

это стало совершенно иным. Что бы я когда-то ни думал об этих вещах – тогда все эти идеи казались такими реальными, – теперь все это оказалось своего рода мифом, ерундой.

Взять, например, такую банальность, как поедание очень вкусного десерта. Мне нужно говорить, что он вкусный, того требует от меня вежливость (смеется) – но на самом деле я не знаю, что значит это слово, так как за пределами доминирующих пяти вкусов мой язык не может больше ничего почувствовать. Эти изменения такие простые, что вы можете сами все увидеть. Я могу смотреть на вас часами и не моргать, так как будет полное внимание; именно так на все смотрят глаза, не моргая. Есть санскритская фраза, которая гласит: «*Он видит, не моргая*». Нужно ли глазам обязательно моргать, я не знаю. Но когда я закрываю глаза, все заканчивается, и я засыпаю. И тогда получается, что рефлекторное действие изменилось.

Хислон: Даже рефлекторное действие?

У. Г.: Я точно не знаю. Я не хочу это никак называть или даже применять слова или выражения Дж. Кришнамурти – такие, как «радикальная трансформация» и тому подобное. Я не знаю, чем обладает Дж. Кришнамурти и о чем он говорит. Я не могу сравнить это с тем, что есть у других. Но когда я говорил об этих сбивающих с толку ситуациях с учителем йоги Дешикачари, он сказал: «Да, об этом написано в «Йога-сутре» Патанджали, все это очень ярко описано; это из-за видения Божественности глаза больше не моргают; это необычное явление».

На самом деле я не знаю. Но одно я могу сделать. Когда я смотрю на цветок, я могу описать его красоту во всей ее яркости, но как только отворачиваюсь, сделать это уже невозможно. Даже Валентина, которая живет со мной круглосуточно, мгновенно «вылетает» у меня из головы, когда уходит из комнаты. То же самое происходит и с любым звуком или шумом. Ты слышишь какой-то звук или шум, который раздается из комнаты, и понятия не имеешь, кто же его издает. (Валентина говорит: «Ты даже не помнишь, как меня зовут», и еще что-то. У. Г. и другие от души смеются.)

Хислон: Если вы не различаете звуки, например звук льющейся воды и приближающейся машины, это может быть очень опасным, когда вы, например, идете по дороге. Так что важно различать...

У. Г.: Нет, это не так работает. Вот передо мной все, что я вижу, а сзади приближается машина. Ум осознаёт этот оглушительный шум, и ты знаешь, что шум оглушает тебя, несмотря на то что машина далеко. И ты тут же, автоматически, даже не оглядываясь, отходишь в сторону. Ты знаешь, что приближается машина, так как твои чувства более восприимчивы, чем они были раньше, поскольку ты ничем не озабочен. Ты слышишь звук и останавливаешься. А затем, если хочешь, ты можешь соотнести звук со звуком машины, или кричащего ребенка, или бегущей лошади. Сначала ты слышишь звук, а затем его с чем-то соотносишь, что вторично. Машина – такая знакомая вещь. Ты видишь, как они едут одна за другой, эти потрясающие движущиеся штуковины, ты осознаешь это движение и совершенно не озабочен тем, что нужно назвать это машиной. Ты очарован красотой движения автомобиля, красотой его корпуса, и с удивлением спрашиваешь: что это за штука и та, что позади? Ты невинен, как ребенок. Но ты обладаешь всей накопленной информацией и можешь ею пользоваться в нужный момент. В этом все: мудрость веков, если ее можно так назвать; она доступна тебе, чтобы ты ею пользовался. Она подобна мебели в этой комнате – стулу, столу, дивану, – но все зависит от того, как ты хочешь (или не хочешь) всем этим пользоваться; они просто там находятся.

Хислон: Что вы видите, когда на что-либо смотрите?

У. Г.: Когда я смотрю на вас, я делаю это только внешне, вот и все. Когда вы говорите, я просто внимательно слушаю то, что вы говорите; на самом деле с моей стороны нет никакого усилия. Вы говорите, и я слушаю. Я это делаю произвольно, так как ум больше ничем не

занят. Мои глаза вас видят, а уши слушают. Где находится то пространство, в котором я мог бы думать о том, что стоит за вашими словами или находится внутри вас? Возможно, там ничего и нет.

Хислоп: Разве нет никакой оценки того, истинны ли мои слова или ложны, хороши ли мои намерения или плохи, умен ли я или посредствен?

У. Г.: Нет никакой оценки. Этих идей нет. Я понимаю все, что вы говорите, все слова. Внутри есть некий механизм – что он собой представляет, я еще не знаю, – который вбирает эти слова и ничего не проецирует. Вся эта семантика и все подобное сегодня кажутся мне такими абсурдными – так как здесь нет никакого абстрагирования, никакого проецирования чего-либо. Я просто слушаю ваши слова. Человеческий мозг выработал эту способность говорить, слушать, запоминать и выдавать конкретные слова. Эта способность – часть человеческого организма, который эволюционировал на протяжении веков.

Виктория: Я могу оказаться ханжой, я могу и не иметь в виду то, что говорю. Но вы говорите, что не оцениваете, не судите!

У. Г.: Нет, я просто вас слушаю, так как нет никаких идей. Все идеи или сомнения на тему того, ханжа ли он и правда или нет то, что он говорит, не волнуют слуховой нерв. Слова передаются в мозг; глаза видят вас такими, какие вы есть, они не оценивают цветовую гамму – он одет в черную кожу, у него черные ботинки, у него на голове пробор, и тому подобное. Я не знаю, что находится внутри вас, что вы ищете, и нет способа это узнать.

Хислоп: А мозг?

У. Г.: Мозг просто все это регистрирует. Не знаю, существует ли способ оценки ввода сенсорной информации. Даже если и существует, ко мне все приходит не в виде идей или сомнений. Что бы вы ни говорили, я слушаю. Так как я оказался здесь в этой комнате, я должен слушать все, что вы мне ни скажете.

Виктория: Обычно человек просто не может не оценивать вещи, слова...

У. Г.: Здесь такого нет. Нет видящего, нет оценивающего. Есть только пять чувств, которые все время очень чувствительно работают. Когда ты говоришь о чувствительности, это только чувствительность тела, больше там ничего не происходит. Однако внутри тебя присутствует потрясающий покой. Это не слово «покой», но нечто здесь. Ты это осознаешь – и это и есть покой. И он там потому, что внутри тебя ничего не происходит (никакого мышления), там никто не говорит: «Я прекрасно поужинал» или: «Я встретил прекрасного человека». Ничего такого там не происходит. И ты не думаешь о том, что делать, хочешь ли ты куда-то пойти. «Идет дождь, как же мы куда-то пойдём?» – таких мыслей не возникает.

Видите ли, кровь, необходимая для функционирования клеток мозга, чаще всего используется именно этими мыслями. Это абсурд, сплошная потеря энергии. Что это за мысли? Эти размышления о размышлениях – весьма диалектичное мышление, это колоссальная трата времени и энергии. Сам факт того, что ты не думаешь, дает тебе огромную энергию. Не мистическую, нет – ничего такого, о чем выражаются всякими высокопарными выражениями. Это просто физическая энергия в чистом виде. Это возможно, так как там нет ни мыслей, ни думающего – ибо ты не думаешь о том, что произошло вчера, двадцать, или сорок лет назад, или о том, что ты будешь делать завтра или через двадцать лет. Нет никаких образов прошлого или будущего, так как нет создающего эти образы.

Давайте возьмем пример из бесед с Дж. Кришнамурти. Знаете, как иногда он спрашивает: «Вы можете посмотреть на свою жену так, будто видите ее впервые в жизни?» Можно ли посмотреть на свою жену без каких-либо образов из прошлого? Это невозможно, пока эти

образы из прошлого находятся в вас самих. Однако посмотреть на свою жену, своего друга или кого-либо еще как в первый раз можно, когда присутствует такого рода действие чувств, о котором я только что рассказал. Ибо здесь ты не формируешь никаких впечатлений; а любые впечатления, которые сложатся в этот момент, не будут использоваться в будущем. Например, я вхожу в комнату и через какое-то время выхожу – и вижу жену. Я вижу ее иначе – скорее, глаза ее просто видят. Здесь нет ничего, что бы могло перенести это впечатление в следующий момент, будь этот человек вашей женой, вашим другом, начальником или коллегой. Каждый раз ситуация совершенно новая.

Хислон: Совершенно нет никакого переноса впечатлений?

У. Г.: Нет. Поэтому такой индивид и может жить от момента к моменту. Но я не хочу использовать этот

«затасканный» термин «от момента к моменту». Вот, например, я прихожу в деревню, и там все совершенно по-новому. Там много новых людей и ты не знаешь, кто ты такой. И ты не можешь жить иначе. Когда мы говорим «от момента к моменту», то кажется, будто это что-то очень мистическое, однако человеку в этом состоянии физиологически невозможно жить иначе – кроме как от момента к моменту и от ситуации к ситуации. Это единственный путь; не знаю, есть ли другой.

Хислон: Но что же все это объединяет, что позволяет вам разумно разговаривать? Что это за процесс?

У. Г.: Я описываю вещи так, как вижу. Вы не задаете мне философских и метафизических вопросов. Что же осознаёт это осознание? Для меня это метафизический вопрос. Я могу лишь сказать, что осознание есть и вовне, и внутри тебя. И что есть только человеческое тело, которое функционирует удивительно чувствительным образом. Не знаю... Не знаю, как проверить этот факт. Кажется, физиологи, изучающие мозг, говорили, что человек использует только одну треть мозга, а остальные две трети не используются. Но сейчас вдруг эти две трети стали активными. Это утверждение, и это уже дело ученых или физиологов – расколоть мне череп (смеется), если бы я позволил им это сделать. Однако меня не интересует удовлетворение любопытства ученых-медиков. Но они все это узнают в свое время; это их дело. Какой смысл отдавать себя в руки врачей, чтобы те вскрыли тебе череп и подробно изучили, произошла ли мутация мозга или нет?

Однако я могу сказать одно. На протяжении многих веков подобные переживания были у многих духовных и религиозных людей. Но когда ты пытаешься объяснить другому человеку, что это такое или что это за состояние бытия, приходится абстрагировать это состояние и давать человеку эти абстракции, и он приходит в состояние замешательства. И если он тебя уважает или считает тебя религиозным или просветленным, он будет о тебе очень высокого мнения, но тебя это не будет интересовать. Какую ценность для общества имеет подобный индивид? Вообще никакой.

Я не смогу рассказать, как я оказался в этом состоянии. Я могу проследить это до конкретного момента, а что произошло за пределами этого, я не знаю. Нет никакой истории; моя автобиография закончилась 13 августа 1967 года. Она закончилась. Это просто жизнь.

Я получил это не от Дж. Кришнамурти и не от *упанишад*. Это мое открытие, которое стало для меня чем-то ошеломляющим, так как я всего лишь обнаружил, что вижу вещи иначе, – и я был в шоке. Одно время я много думал обо всех этих религиозных переживаниях, «высоких» мистических состояниях и абстракциях. Но когда получаешь этот покой, всему этому приходит конец. Если вам повезет, то по милости Бога (или как там вы это называете) вы окажетесь в этом состоянии случайно, просто благодаря удаче! Я так говорю, так как это не

вопрос выбора – войти в него или выйти из него, – это становится естественным, единственным способом жить.

В этом состоянии нет никаких мыслей, все очень безмятежно, это, как говорится в Библии, «*покой, превосходящий всякое понимание*». Это за пределами понимания. Ты ешь как животное, и появляется потрясающая гармония с тем, что ты съел; это не удовлетворение, не ум это переживает. Ты видишь, что кровь циркулирует, и больше в мозгу ничего не происходит, это безмятежность. Внутри тебя ничего нет, и нет наслаждающегося всем этим. Ты начинаешь осознавать все происходящее внутри тебя. Это может быть невероятно интересным способом жить... это не то возбуждение, которое мы ощущаем; это нечто совершенно иное.

Вот ты никого не видишь и не слышишь, и садишься на диван – он твердый, ты ощущаешь твердость в том месте, где тело с ним соприкасается, – и закрываешь глаза. А внутри – полнейшая, абсолютная пустота; эта пустота также является полнотой¹.

Раньше все эти фразы из *упанишад* для меня ничего не значили, это было лишь концептуальным. Теперь все наполнено; присутствует невероятная полнота; однако она же является и пустотой. Это пустота по сравнению с тем, что было: идеи, воображение. А теперь стало невозможным вообще что-либо себе вообразить².

Видите ли, я знаю Дж. Кришнамурти уже почти 40 лет. Он присутствовал у меня в сознании практически все эти годы. Эта связь образовалась, когда я был еще ребенком. Наш дом был теософским, и – я не хочу высказываться неуважительно – эта обезьяна потом продолжала сидеть у меня на спине, несмотря на все мои попытки от нее избавиться. Но сейчас я сам себя освободил. Как обезьяна сама спрыгнула, я на самом деле не знаю. Не то чтобы я почувствовал большое облегчение, однако всего этого для меня теперь больше не существует, кроме как в качестве имени или человека, который сюда приходил, – человека, с которым я так давно был знаком. И это факт.

Я на самом деле не могу вам передать, чем является этот процесс мышления; как ко мне приходят эти слова. Мне нужно подождать и самому обнаружить, как приходят слова и что есть это говорящее. Но если вы хотите, чтобы я прочитал лекцию на какую-то тему, то сейчас я не смог бы этого сделать, хотя в одно время искусно читал лекции очень интеллектуальной и весьма осведомленной публике. Сейчас это было бы для меня невозможным, так как я действительно не знаю, имеет ли жизнь какой-то смысл и какую-то цель. «Что такое медитация?» Мы часто обсуждали этот вопрос; ответа на него нет, но, с другой стороны, она для меня существует; оно (естественное состояние) уже находится в состоянии медитации. Если вы меня спросите, то я могу забросать вас абстрактными терминами, и это будут всего лишь слова. Вот так все это, видимо, работает. Со мной происходили забавные вещи (смеется).

Просветление, недвижимость, безмятежность, энергия, вера, покой – все это просто слова, они не то, что обозначают. Я бы не описал состояние, в котором нахожусь, как состояние умиротворенности, безмятежности или даже покоя. Оно не является ни одним из вышеперечисленных, однако все они присутствуют в нем. Но чем это точно является, сказать очень трудно, и эти вопросы неуместны; это не моя забота. Я сам у себя ничего не спрашиваю; я и правда не знаю.

Я просто смотрю на все, как младенец. Какая великолепная штука! Ты теряешься в ее движении, но если у меня спрашивают, что это такое – так как я видел ее раньше и все это суще-

¹ В буддизме *шуньята* (существительное на санскрите, образованное от прилагательного шунья – «пустой»), или сунната (пали; прилагательное сунна), не означает «пустота» и не обозначает какую-либо форму нигилизма. Это значит, что все объекты пусты от свабхавы, или «собственного существования». Это также обозначает свободное от мыслей бодрствование. В даосизме достижение состояния пустоты рассматривается как состояние недвижимости и безмятежности, которое есть «зеркало Вселенной» и «чистый ум».

² «*Om purnam adah purnam idam, purnat purnam udachyate; purnasya purnam adaya, purnam evavashishyate*. То – полно; это – полно. Полное приходит из полного. Если взять из полного полное, то полное и останется». – *Ишавасья упанишада*.

ствует в качестве воспоминания, – я рассказываю. Предположим, я дошел отсюда до Гштаада... Я вижу дерево... оно находилось там много лет, но когда я смотрю на него, оно вызывает во мне определенное чувство, и это чувство превращается в какое-то движение. И если вы у меня спросите, что это – радость, красота или что-то еще, – я бы не стал употреблять эти слова, так как оно не является ни одним из них.

Вы можете сказать: вы отождествляетесь с деревом, вы становитесь с ним единым. Все эти философские концепции, которые я слышал от самых ученых философов, мудрецов и святых и которые я сам использовал когда-то в своих лекциях, теперь для меня лишены смысла. Конечно, если мне надо распознать дерево, то это слово у меня есть; но если я не хочу узнать, что это, мне неинтересно распознавать «дерево» – или что-либо еще. Я изучал ботанику на протяжении десяти лет – какая разница, является ли оно тем, этим или чем-либо еще.

* * *

У. Г.: Вот что я должен вам сказать. Я всю жизнь был вегетарианцем; не то чтобы все *брахманы* ими были (смеется). И вот мы с друзьями были в ресторане и никто из нас не знал, что суп-то из свинины. Но когда они это узнали, все вегетарианцы отодвинули миску с супом. Однако к тому моменту я уже съел шесть или семь ложек супа и так как не знал, каков вкус свинины, то наслаждался этим блюдом так же, как и любым другим, хоть и ощущал некую пульсацию, сам не зная почему. И даже после того, как нам сказали, что в супе свинина, это не вызвало во мне никакой реакции. Свинина так свинина. Двадцать дней или месяц назад меня бы стошнило; вся моя психика взбунтовалась бы. И я бы обвинял всех присутствующих, говоря «смотрите, что вы со мной сделали, и не только со мной, а также с тремя сотнями поколений *брахманов*» (смеется). Но теперь

я могу пойти в ресторан и съесть все, что мне ни принесут, без всякого сожаления, так как я не знаю вкуса; у меня также нет идеи того, что «я – вегетарианец» и что «я не должен есть мяса». Это очень просто.

Недалеко отсюда птицеферма. И я вижу цыплят и то, как они танцуют и как они великолепны. Как кто-то может убивать их, чтобы съесть? Не то чтобы меня волновал вопрос «убивать или нет». Ты видишь красоту всех этих существ, которые движутся перед тобой. И эти живые существа вызывают здесь определенное движение... вот и все. Я не собираюсь говорить, что они не должны убивать этих птиц. Это их проблема. Но если вы положите мне на тарелку курицу и попросите меня ее съесть, то, возможно, я и съем, если не буду этого знать. Однако нет смысла пытаться доказывать себе или другим, что я могу есть курицу без всякой реакции; в этом нет смысла. Но я не могу разрушить ничто живое, ибо это для меня невозможно. Посмотрите на цветок. Как можно его сорвать? Я не могу этого сделать, но вы можете, чтобы украсить вашу комнату. Я так не смогу. Для меня это просто цветок, но во мне нет осуждения того человека, который сотворил бы с цветком столь ужасное, так как нет идеи, что нельзя рвать цветы или что нужно украшать ими комнату. Все эти идеи и мысли во мне не существуют.

Вы знаете, это очень интересный способ жить. Все эти тревоги, заботы, удовольствия, комплексы боли/удовольствия – двойственность – для меня не существуют. Где боль, зачем говорить о таких вещах? Двойственности здесь нет, комплексов боли/удовольствия больше не существует.

Но пока ум функционирует, нельзя всего этого избежать. Вы находитесь в этой двойственности, в парах противоположностей; это ум! Пока он присутствует, что бы вы ни делали и ни обсуждали на протяжении многих лет – а в Индии люди на протяжении тысяч лет вели потрясающие, ошеломляющие беседы о наблюдателе и наблюдаемом, – вы вряд ли вообще что-либо поймете. Что говорили эти учителя и как они жили сотни лет назад, мы не знаем. Возможно, они жили так же, как Дж. Кришнамурти. Мы видим его и слушаем его, и то, что он

говорит, – это то, что он знает. Я не знаю – я не могу знать, является ли Дж. Кришнамурти (согласно некой идее некоего сравнительного состояния ума), реализованным или просветленным. Или я сравниваю его и его поведение и то, что он говорит, с некой фиксированной идеей просветленного человека или с кем-то другим, иначе я не буду знать, чем он обладает. Но также нет смысла сравнивать с ним себя. Я не знаю, что у него есть, и он меня больше не интересуется, и мне неинтересно узнать, есть ли в этом состоянии бытия кто-то еще.

Люди следовали за Дж. Кришнамурти, слушали его на протяжении более пятидесяти лет, но поняли ли они его? Мне было интересно только одно: что он говорит и есть ли способ мне самому это постичь. То, что у него есть, он не может мне дать и нет способа это получить. Что это такое – я не знаю; зачем об этом волноваться? Ты не можешь с этим ничего поделать, так как захвачен этой идеей и надеждой: у него есть нечто, что я хочу. Что же конкретно происходит? Это ревность? Но ревность – это насилие. Я день за днем обсуждаю насилие, но понимаю ли я? Я сижу здесь и слушаю Дж. Кришнамурти. Зачем? У него есть что-то, что мне нужно, вот и все. Каковы отношения между ним и мной? Это ревность; это эффект насилия. Дело не в том, слушать Дж. Кришнамурти или не слушать, все это неуместно. Но поняв одно это, ты, возможно, попадешь в это состояние, чем бы оно ни было. Однако его состояние не может стать твоим, твое состояние будет другим. Все его беседы, стенограммы его бесед – *веды шупанишады* – все это будет уже не нужно.

Я не знаю, что у него есть, и я не знаю, что есть у меня. Но что бы я ни делал, это радикальное изменение, и уже нет смысла куда-либо идти. А куда идти? Зачем? Это уже похоже на собаку, пытающуюся поймать собственный хвост!

Говорить об этом бессмысленно. Просто описывать то, что я вижу, ничего вам не даст. И если я буду продолжать в таком духе, вам будет ужасно скучно. Однако чтобы кто-нибудь понял, у меня должен быть другой способ общения, кроме слов. Тот, кто находится в этом состоянии, должен использовать некие абстракции, чтобы тоже ввести вас в это состояние, а просто говорить об этом бессмысленно. Это не имеет никакой ценности. Но на самом деле этим нельзя поделиться, нельзя это кому-то дать. Ты можешь дать деньги, знания, информацию, все что угодно в этом мире – кроме этого.

Дж. Кришнамурти относился к этому отрицательно, а другие – положительно. Однако существует потребность понять себя, а не понять Дж. Кришнамурти. На самом деле нечего понимать. Эти абстракции нужно видеть в отрицательном свете, однако это опять превращается в метод.

Длинный перерыв. Подают ужин, и У.Г., Валентина и Хислоп беседуют, а затем У. Г. вновь начинает говорить.

У. Г.: Обычно я бы этого не ел, так как в этом блюде есть яйца. Но сейчас я уже не знаю, ведь заварной крем – всего лишь название, и я ем его, как если бы это был фрукт или овощ. Внутри меня не возникает никакой реакции. Внутри происходит только нечто

функциональное, и больше нет абсолютно ничего, кроме функционирования человеческого тела, когда все чувства работают невероятно восприимчиво. Как я уже говорил, это некая радикальная мутация, это лишь физический феномен. Нет смысла говорить, что это озарение или просветление, или как там еще вы хотели бы это назвать, в этом нет смысла. Это образ жизни, и не может быть иначе. Ты не можешь видеть или слышать что-либо иначе – слушаешь ли ты какой-то шум или Девятую симфонию Бетховена, ты просто слушаешь; нет никаких вопросов, никаких мыслей, это состояние удивления, невинности. Ты смотришь вон на того воробья, ты осознаешь это движение внутри, есть движение снаружи – это одновременное движение, между этими двумя движениями есть связь. Ты не говоришь: «Это единство жизни». Ты ничего не делаешь, но когда это чувство проходит и ты хочешь знать, что это такое, ты впус-

каешь его в свой ум и знаешь, что это воробей, но это неуместно. Что бы это ни было, оно есть. Какой смысл заявлять, что это воробей, петух или павлин? Если я захочу, я смогу вытащить это из своей памяти и рассказать вам. А в противном случае будет только изумление. Вот что имеют в виду, когда говорят о состоянии невинности. Ум не может практиковать невинность; как вы это сделаете? И как вы можете практиковать смирение? Однако оно присутствует в этом состоянии и тебе не нужно ничего с этим делать. Нет никакого усилия. В этом состоянии бытия нет никакой мистической составляющей, оно естественно для того, кто в нем пребывает.

В этом состоянии твое поведение не может не быть религиозным – в том смысле, что в этом состоянии невозможны насилие, агрессия, алчность или амбиции. Ты ничего не ищешь, даже так называемые духовные переживания. Ты не хочешь быть другим, отличным от того, чем являешься в этот конкретный момент; а что будет в следующий, ты на самом деле не знаешь. «Я пойду домой» – это идея. Возможно, я и не пойду домой. Это то, что присутствует на заднем плане, что, возможно, произойдет в будущем. Но нет определенности, так как это все еще слишком далеко от меня: путь домой. Между этим столько разных моментов, столько ситуаций, в которых я оказываюсь. Не то что бы ты останавливался и смотрел на цветок, это происходит иначе. Как только ты делаешь еще один шаг, появляется еще один цветок или что-то еще – машина, полная жизни девушка – и это забирает все твое внимание. В этом нет удержания того, что я сейчас вижу. Что ты видишь – то видишь. Ты просто смотришь на то, что там есть.

* * *

Хислоп: Вы говорили, что впервые это с вами случилось в Индии, когда вы слушали Кришнаджи.

У. Г.: Это было связано с переживанием смерти.

Хислоп: Расскажите об этом?

У. Г.: Я слушал Дж. Кришнамурти с 1947 года, и это произошло, пока я его слушал в период 1953–1954 годов. Однажды в Мадрасе он обсуждал тему смерти. Меня заинтересовала эта беседа. В качестве лектора Теософского общества я сам читал лекции на такие темы, как жизнь после смерти, теория кармы, реинкарнация, и прочие. Так что, естественно, меня заинтересовала эта тема. И я сказал себе: «Я читаю лекции на эту тему несколько лет и теперь мне нужно понять, что это за штука такая – смерть». Я не знал об этом ничего, кроме большого количества накопленных слов и информации.

К тому же я читал лекции о жизни после смерти. Я видел, как люди умирают, и слышал все эти объяснения.

В тот день, к концу беседы, Дж. Кришнамурти вновь и вновь задавал вопрос: «*Что такое смерть?*» Я не знаю, что произошло, но мой ум затих, и я сказал и про себя, и вслух: «Кроме всех этих обсуждений, которые я слышал, и моего собственного так называемого переживания смерти – кроме всего этого вы говорили о смерти, но я на самом деле...» А затем я замолк, в буквальном смысле остановился, и не смог завершить предложение; когда я сказал «но я на самом деле...», возникла внезапная пауза. Вместо того чтобы завершить предложение «но я на самом деле не знаю...», слова «не знаю» исчезли из моего сознания, а затем что-то со мной произошло. Как будто бы я исчез. Дж. Кришнамурти тогда посмотрел на меня, но ничего не сказал, а затем какие-то люди стали что-то ему говорить, и все продолжили обсуждение темы смерти, и все это продолжалось где-то еще час. Я не знаю, что произошло потом, и затем я вышел из зала. Я чувствовал себя так, будто я не от мира сего.

На следующий день я подошел к Дж. Кришнамурти и рассказал ему о своем грандиозном переживании смерти. Он только сказал: «Почему вы все это мне сейчас рассказываете?»

– Я просто рассказываю, так как это все так волнующе.

– Что тут волнующего? – спрашивал он вновь и вновь. – Почему вы хотите рассказать мне об этом?

– Не знаю, просто...

– Что можно понять о смерти? Можно ли ее по-настоящему постичь? И тот факт, что вы хотите об этом говорить, показывает, что вы на самом деле ее не постигли. В любом случае, как вы можете что-либо осознавать, когда такое происходит? У вас нет способа знать это; если это и правда есть в вашей жизни, у вас нет способа это знать. Почему вы спрашиваете у меня? Вы спрашиваете, чтобы я это подтвердил, но мое подтверждение или заявление, что это истинно или неистинно, не имеет для вас никакого смысла. Вы наверняка воспользуетесь этим и скажете: «Дж. Кришнамурти это подтвердил, это мой опыт». Однако в этом нет никакой ценности!

Позже я поделился этим экстатическим переживанием со всеми, очень возбужденно. Я был в эйфории, мне было так радостно. Это длилось несколько дней и затем ушло как любое другое возбуждение, как любое другое необычное переживание. А затем я вновь пошел к Дж. Кришнамурти и спросил, нужно ли мне посещать его беседы (смеется). Он сказал, что да, мне абсолютно необходимо это делать. Я не знаю, почему он это сказал и что он имел в виду.

В любом случае это было давно. Но, видите ли, что-то тогда произошло. Я бы назвал это переживанием ума, находящимся в сфере переживаний, но это вызвало во мне какие-то изменения – внешние изменения. Я бы назвал это полным, абсолютным равнодушием. Равнодушием к моим финансовым и семейным делам, образованию моих детей. А затем у меня пропал интерес и к моей теософской работе. Не то чтобы я захотел подать президенту Теософского общества свое заявление об увольнении – просто больше не было никаких амбиций.

Также изменился весь образ мышления; все, на что я смотрел и что читал, я видел как бы через какие-то новые очки. Как будто ты сменил стекло в своем автомобиле. Как это ни назвать – переживание смерти, или безмолвный ум, или как-то еще, это дало мне своего рода инсайт во всю проблему мышления. Я думал, что смогу по-новому объяснить философские концепции и по-новому их осветить. Я даже написал книгу о «Йога-сутре» Патанджали в свете учения Дж. Кришнамурти.

Хислон: «Йога-сутра» Патанджали в свете учения Дж. Кришнамурти?

У. Г.: Да, это была мгновенная реакция, сразу после этого переживания. Каждую сутру я теперь видел совершенно иначе, и я думал, что именно так ее нужно интерпретировать; поэтому я написал это так, как считал нужным, с собственным комментарием. Это дало мне некое постижение жизни. И вся моя жизнь стала меняться, но не каким-то определенным образом. Я продолжал жить со своей семьей, но не было никаких отношений. Я читал жене лекции на тему того, что то время, когда мы жили как муж и жена, прошло; что теперь ей придется жить своей жизнью и заботиться о детях.

Я не дал этому [переживанию] время, чтобы оно «устаканилось» и чтобы можно было проследить, какое воздействие оно на меня окажет. Я продолжал заниматься своими делами, путешествовал и все такое, и я думал, что это [околосмертное переживание] сойдет на нет, но так не произошло. Что-то продолжало работать; это было как огонь, горящий внутри, это не давало мне ни минуты покоя, не то чтобы я не мог спать. Это было странное невротическое состояние – это не было обладанием понимания того, о чем говорил Дж. Кришнамурти, о чем говорили философы; однако я также начал думать, что Дж. К. чудесными словами описывал обычные переживания, и я сказал себе: это весь опыт или там было что-то еще? – ведь он использовал мистические выражения, полные абстракций. Все это – противоречия, раздражение, стремящиеся к самовыражению амбиции – продолжалось в подсознании. В тот период я однажды поколотил жену за то, что она что-то не одобрила. Как мог такой человек, практиковавший любовь, добродетельный – как он мог такое сделать, спрашивал я себя. Я смеялся над

собой, но это было не смешно. Эти противоречия заставляли меня думать, что все это было не истинно, что, находясь в сфере переживания, это переживание ничего не значило. И я сказал себе: это было экстраординарное переживание безмолвного ума, оно оказало на меня подрывающий эффект, я пытался смотреть на все иначе, вот и все.

Такое «невротическое» состояние – я применяю этот термин за неимением лучшего – продолжалось несколько лет. Это было своего рода шизофреничное состояние – абсолютное безразличие ко всему вокруг, безразличие к тому, что о тебе говорят. Это продолжалось много лет и чуть было не закончилось полным срывом, но, к счастью, этого не произошло. И со временем это привело меня сюда, в Швейцарию. Не знаю, зачем я сюда приехал (смеется), не из-за моего внутреннего голоса (его не существует).

Когда-то у меня были способности к ясновидению – я мог просто посмотреть на человека и больше знать о нем, чем он сам о себе знал. Эти экстрасенсорные возможности у меня были в шизофреничный период: это называют «потерей связи с реальностью». Не то чтобы я был психом. Внутри я был совершенно нормальным, но все это продолжалось и продолжалось, и затем Дж. Кришнамурти перестал сюда приезжать.

Я вновь встретил его в Лондоне в 1964 году, и он пытливо меня допрашивал: «Почему вы здесь? Чем вы занимаетесь? Кто оплачивает ваше проживание?» И подобные вопросы, на которые нужно было давать честный ответ. Я не смог бы увильнуть от прямого ответа, поэтому перестал видеться с ним, так как ответов на его вопросы у меня не было. Я также считал, что нет смысла с ним видеться – возможно, не было способа получить то, что у него было; возможно, у него вообще ничего не было; так зачем же к нему ездить? Однако я ходил на его беседы, и для меня это было необычным «слушанием». В прошлом году я решил это или закончить, или исправить. Это конец, сказал я себе. В этот раз (1966 год, в Гштааде) я посетил все его беседы и обсуждения. Я начал туда ходить с самого первого дня. В тот момент, когда он начинал говорить о природе слушания, с моей стороны не было никакого слушания; это был странный процесс. Слова приходили, ударяли меня и уходили обратно. Слова вообще в меня не проникали; никакого смысла, просто слова; слова меня ударяли и уходили; в них вообще не было никакого смысла, или я сам повторял слова, те же слова, и то же быстрое повторение, слово за словом, продолжалось и продолжалось. Слова отражались от отражательной поверхности, на которую их бросали, и затем возвращались обратно. Этот процесс продолжался во время всей беседы.

Хислоп: Но вы не понимали слов?

У. Г.: Нет, не понимал. Была какая-то безнадежность, а не отчаяние. Однажды я прочел книгу о гинекологии и акушерстве – мне это было нужно для курсовой по физиологии в колледже. Я заинтересовался и стал читать на эту тему все больше и больше. В одной из книг, написанной большим авторитетом в гинекологии, я прочел описание случая применения акушерских щипцов. Когда все попытки принять ребенка с применением щипцов потерпели неудачу, когда никак нельзя помочь ребенку родиться, то если вы верите в Бога,

вы молитесь, а вот если не верите, что делать? Ждать. Объясняя эту ситуацию, автор книги использовал два выражения: *полнейшая бездеятельность* и *бдительное ожидание*.

Вот так и у меня – хотя с моей стороны была полная бездеятельность, внутри было это бдительное ожидание. Как будто чего-то ждешь. Несмотря на эту полнейшую бездеятельность внутри, когда слова входят и выходят... ум пребывал в состоянии внимания. Он чего-то ждал и, как я сказал вам вчера, в тот момент, когда я кого-то слушал, ум (а ум – хитрая штука, самый великий обманщик) меня обманывал, погружая в состояние безмолвия, осознания и безмолвия... И когда все это прекратилось, я внезапно потерял интерес к моей автобиографии...

Здесь У. Г. переходит к теме своей автобиографии. Любопытно, что прежде чем перейти в естественное состояние, он на протяжении пяти лет диктовал Валентине описание несколь-

ких событий из своей жизни, своей *садханы*, различных мистических переживаний и т. п. Но за несколько месяцев до того, как перешел в естественное состояние, он однажды вечером просто сжег все эти страницы. Когда Валентина вернулась с работы, она была в ужасе, увидев, как 350 страниц ее кропотливой работы превратились в золу в камине.

В чем смысл продолжать работу над автобиографией – этой бесполезной книгой! Никому не интересно, что я делал и говорил. События изложены очень красиво; возможно, кто-то из читателей и заинтересуется и захочет узнать, что же произошло с этим человеком, который все это пережил. Но вы же видите, что на самом деле с ним произошло? (смеется) Со всем этим огромным багажом прошлого он оказался здесь; такая автобиография не обладает никакой ценностью для кого-либо. Но те, кто читал эту ее часть и слушал это, подумали, что там есть что-то великолепное. Это то, как некоторые из нас жили, и это должно быть по-своему интересным. Но я сказал, что не вижу смысла все это продолжать; лучше было просто отказаться от этого. А они расстроились. В любом случае я сам не хотел продолжать. А затем начались эти физические изменения.

Хислон: Вы говорите о том, что произошло в 1967 году?

У. Г.: Я говорю о 1966-м. Время бесед Дж. Кришнамурти прошло. В то время мне было интереснее разговаривать с людьми. Приезжали самые разные люди со всех частей света. Там были битники, хиппи (смеется). Это было похоже на карусель! Приезжал Дешикачари – учитель *хатха-йоги* Дж. Кришнамурти, а также многие другие, посещавшие беседы Дж. Кришнамурти.

А затем медленно что-то внутри стало, образно выражаясь, сгорать; что-то происходило, принимало внутри некую форму. Я думал, что, возможно, это мое воображение; я не знаю, что это было; но мое тело вдруг стало слабеть. Это началось после ноября или декабря 1966 года. В то время я был в Женеве. Я постоянно жаловался на боль; в те времена я ходил по десять-пятнадцать километров в день. Я решил, что слабость – следствие боли в голове, которую я испытывал каждый раз, когда спускался с горы или поднимался на нее, и я даже подумал, что это может быть результатом низкого давления. Я чувствовал тяжесть в голове и избегал высоты, однако тяжесть не исчезала. Я не обращал на это никакого внимания, хотя физическая слабость продолжалась очень долго. А затем я вдруг почувствовал себя очень сильным и здоровым, без всяких признаков боли.

Прямо перед началом бесед Дж. Кришнамурти – не помню, это было до начала бесед или после них, – тяжесть в голове вновь вернулась и не покидала меня несколько дней. Однажды я сказал, что с этого момента голова для меня не существует; эта часть головы больше не существует для меня.

Хислон: Та часть, что над бровями?

У. Г.: Над бровями головы не было. Иногда я ощущал, что она там, а иногда ее не было, и тогда боль исчезала. А затем через несколько дней боль вновь возвращалась. При всем этом во время бесед Дж. Кришнамурти на протяжении десяти дискуссий я продолжал принимать участие в этой карусели, разговаривая с людьми. Несмотря на тяжесть в голове, я шел на беседы, приходил сюда и затем обсуждал Дж. Кришнамурти с посетителями. Люди думали, что у меня было глубокое понимание того, что этот человек говорит. Я помогал им понимать слова, абстракции собственным интересным образом. Но они также хотели, чтобы я обсуждал Дж. Кришнамурти, чего я делать не хотел. Я сказал, что нет смысла его обсуждать, так как учения Дж. Кришнамурти объяснить невозможно.

Некоторые друзья сказали: «Возможно, это и так, но ты, похоже, действуешь с какого-то другого уровня сознания». Один из молодых людей, посещавших беседы Дж. Кришнамурти,

гонялся за мной дней десять. Каждый день он приходил сюда и спрашивал: «Как так получается, что ваше поведение так сильно отличается от моего; почему ваши реакции так отличаются? У вас вроде как нет тревог и забот. В чем дело?» Я сказал: «Не знаю. Я так живу. Я ни за чем не гоняюсь, у меня нет никаких амбиций, ничего такого, но не думай, что у меня есть то же самое, что и у него (Дж. Кришнамурти).

Он чем-то обладает, но это – не оно, в этом я уверен. Я такой же, как ты или любой другой, и ничем не отличаюсь». Но он не отставал. Он был полон решимости что-то от меня получить и сказал, что тот человек его больше не интересовал. Мне пришлось сказать ему, что здесь ничего нет; ничего, что можно было бы дать или как-то это толковать; здесь нет никакой заботы. Это для меня естественно. Но он настаивал на том, что это был другой уровень сознания. И вся эта карусель продолжалась.

А затем в следующем году, в августе 1967-го, начались образовательные беседы, и все эти боли исчезли – все, кроме физической слабости. Каждый день после беседы я ощущал жуткую усталость. Первые две были посвящены образовательным проектам для детей, которые не были мне интересны. Я спросил себя: «В чем смысл открывать школы в духе учения Дж. Кришнамурти? Это не будет успешным». Видите ли, если у вас что-то есть и если все эти мальчики, девочки и учителя, которые сидели вокруг Дж. Кришнамурти, поняли значимость всего этого, то будет работать не одна школа, а сотни по всему миру. Однако нельзя открывать школу от имени Дж. Кришнамурти. Когда я это сказал, многие подумали, что я циничен, а я ответил: «Представьте, что к вам пришел ученик с какой-то проблемой. Вы обратитесь к беседам Дж. Кришнамурти или к стенографическим записям, чтобы найти решение? Вы не сможете решить проблему, так как не поняли суть того, что этот человек говорил, и вы создадите еще больше проблем и для учеников, и для себя».

В общем, после двух обсуждений образовательных проектов Дж. Кришнамурти перешел к совершенно другой теме, которой я очень заинтересовался. Он сказал: «Вы не будете использовать Дж. Кришнамурти в качестве зеркала; в качестве зеркала у вас будет ученик школы. Он будет вашим зеркалом, а не Дж. Кришнамурти. Это станет для вас важнейшим для понимания себя». Эта идея меня заинтересовала, и я сказал, что, возможно, присоединюсь к школе – правда, не в качестве преподавателя. Так как я хорошо готовил, и не только индийские блюда, но также других стран, и так как они собирались готовить для мальчишек вегетарианские блюда, я подумал, что смогу пойти туда работать поваром (смеется). Друзья, конечно, посмеялись над тем, что я могу стать поваром в школе.

Так вот, затем Дж. Кришнамурти развил идею сравнивающего ума, и она меня зацепила. Дж. Кришнамурти всегда развивает идею медленно и изучает проблемы с разных сторон, а затем интегрирует все проблемы в одну фундаментальную, и когда наступает момент «старта», он начинает упорно толковать эту идею, спрашивая: «Почему, почему вы не ощущаете безотлагательность этого?»

Но я уже находился в этом состоянии осознания, а затем в так называемом безмолвии, не зная, что дальше скажет он и другие. Я не знаю, почему не ощущаю этой безотлагательности, срочности – нет никакой срочности, – но он все продолжает это говорить, развивая эту идею.

На следующий день он сказал, что в этой энергии есть безмолвие. Здесь была и энергия, и безмолвие, поэтому я вышел на улицу и какое-то время там посидел, а затем пошел домой, и вновь началась вся эта карусель, и все закончилось.

На следующий день ситуация была такой же и затем он начал обсуждать сравнивающий ум. Я занял место в последнем ряду. В тот момент, когда он начал говорить [о безмолвии], я уже был в этом состоянии, совершенно не замечая того, что происходит вокруг, даже микрофон и человека, который за ним сидел...

Я только смутно все это ощущал. Это было состояние осознания. Я осознавал то, что происходит внутри, и то, что происходит вовне, еще даже до того, как он указал на пролета-

ющий мимо самолет – знаете, как он любил упомянуть такие вещи – самолет, автомобиль, дерево, – и там был кто-то, кто слушал, все это осознал, слушал, смотрел на это безмолвие, на это так называемое осознание, на все эти звуки.

К концу беседы он заговорил о том, *что есть*, – о сравнивающем состоянии ума. Если бы вы были в этом состоянии, то вы бы сразу поняли – если бы у вас раньше было переживание этого великого безмолвия. Итак, ты ощущаешь это безмолвие, которое на самом деле является тем безмолвием, которое ты испытывал раньше, иначе ты бы не осознал это безмолвие внутри себя. Внутри нет никаких реакций, никаких вопросов. Я понял, что это безмолвие, и то, что я опознал как «безмолвие», – это сравнивающее состояние ума, так как оно сравнивало это безмолвие с предыдущим. «О боже! Что я с собой сделал?» – подумал я. Он вернул меня в состояние, в котором я был четырнадцать лет назад! Это дошло до меня с невероятной силой: то, *что есть*, является сравнивающим умом. Все эти годы я грезил, думая, что постиг то, о чем этот человек говорит. Где я нахожусь? Он ввел меня в состояние, в котором я был в 1953 году. Это стало для меня колоссальным шоком.

На следующий день он говорил о том же самом. Он сказал, что в этом безмолвии есть энергия. Я слушал это, как слушал бы любого человека. Я знал, что это состояние было нереальным, что оно было искусственно вызванным. Я будто смотрел, что происходит на экране, – просто сидел и смотрел. Это и был сравнивающий ум – это я понял. Это было то же самое – то безмолвие, в которое я вступил, происходила та же самая хитрая драма. Я сказал себе, что это будет продолжаться еще лет десять – что же я наделал! – это было как диалог, хотя конкретно этих слов я не произносил.

Следующая беседа; вновь было безмолвие, великое осознание. Я сказал себе: вчера у меня было переживание сравнивающего ума, и вот сегодня я опять здесь, и это помешает мне постичь, что это за энергия. Этот диалог происходил внутри меня – это я помню; через пять лет я, возможно, не буду все помнить столь отчетливо.

На следующий день была шестая беседа: он сказал, что в этом безмолвии есть действие.

В один день он говорил, что в этом безмолвии есть энергия, на следующий – что в нем есть движение, а затем в предпоследний день он сказал, что в безмолвии есть действие.

Как только он произнес, что там присутствует действие, я тут же себе сказал: если бы в безмолвии было действие, то я бы его не осознал; здесь нет сравнивающего ума, который бы это понимал. В тот момент, когда я делаю какое-либо усилие, чтобы посмотреть на это безмолвие, сравнивающий ум предотвращает любое действие.

Не знаю, ясно ли я выражаюсь.

В тот момент, когда я распознаю безмолвие как «безмолвие», а также как сравнивающее состояние ума, это «безмолвие» создано этим образом сравнивающего ума. Этот диалог – не что иное, как один из них, который смотрит на другого. Здесь присутствуют два образа. Так что каждый раз, когда возникает это «безмолвие», возникает также и то, другое (смеется).

Но почему ты делаешь эту глупость – каждый раз называешь это безмолвие сравнивающим состоянием ума? Брось играть в эту игру, сказал я сам себе. Не то

чтобы я использовал эти слова. Я посмотрел на оба этих явления: одно пыталось назвать другое сравнивающим умом. Это неправильный путь; это не поможет. Если и существует какое-либо действие, то это именно то, что мешает этому действию произойти. И таким образом конфликт все продолжается и продолжается.

Если действие должно произойти, то это безмолвие есть действие и того действия я бы не знал. Я осознал это за долю секунды. Два образа, действующие одновременно, – это не две разные вещи, они – одно и то же, препятствующее чему-либо происходить. Это дошло до меня буквально за секунду, и все это прекратилось.

Можно провести такую аналогию: представьте, что вы стоите на краю пропасти и думаете, что существует нечто, через что можно перепрыгнуть. Через долину перепрыгнуть невоз-

можно – вы это знаете; невозможно также прыгнуть и на вершину вон того холма и некому вас подтолкнуть, так как сзади нет никого, кто мог бы это сделать. И я бы не прыгнул, так как прыгнуть невозможно. Когда это происходит, вы каким-то образом прыгнули, но на самом деле вы не прыгали, и холм с вершиной исчезли; нет там никакой вершины. Это миф.

Эта структура (мысль) поставила туда ту вершину, и внезапно что-то произошло, и я прыгнул на вершину. На самом деле никакого прыжка не было, и вершина исчезла, так как эта вершина – то название, которое я создавал на протяжении многих лет; там нет никакого действия. Это произошло не из-за того, что говорит он или кто-то другой; в тот момент что-то просто произошло – щелкнуло или взорвалось внутри. Я ничего не осознал; все это просто исчезло из моего сознания. Там ничего не было; никакого мышления. В тот день я больше не хотел это ни с кем обсуждать.

В последний (седьмой) день я туда пришел и посидел там, и это все, ничего не произошло. Я его не слушал, не было никакого «безмолвия», не было ничего; я вообще на самом деле там не присутствовал (смеется). Он что-то говорил – я не помню, о чем, – не было никакого «слушания»; никакого «безмолвия». Я ни на кого там не смотрел; я даже не знал, что я там нахожусь. После беседы он встал, и какая-то дама что-то у него спросила. Я вышел, так как не хотел ни с кем видеться. Обычно я там задерживался и здоровался с друзьями. Но в тот день я очень быстро пошел домой и сел на скамейку под деревом (на маленькую деревянную скамейку под диким каштаном с видом на Саанен, с его семьей холмами и семьей долинами) и просидел там два часа.

Я не знаю, что произошло. Я просто там сидел в каком-то оцепенении или что-то типа того. А затем пришли какие-то гости. (У. Г. не уверен, были ли в тот день какие-то гости, и уточняет у Валентины.)

Это было в воскресенье, 13 августа 1967 года.

А затем сразу много что стало происходить. Боль в голове стала такой невыносимой, что я не знал, что с ней делать. Я принял две таблетки аспирина, но это не помогло. Я не осознавал то, что произошло до [прихода гостей], но боль не прекращалась два дня.

Хислоп: Голова опять потерялась?

У. Г.: Я не жаловался на то, что голова потерялась (смеется), голова очень даже была на месте, но боль в ней была так ужасна – это была не обычная головная боль, болел весь мозг, каждая клетка; возможно, это была своего рода инкубация. Тогда я не знал, что это такое. Я не соотносил это с «просветлением»; не было ничего, кроме этой боли. Это продолжалось три дня. А во вторник я лежал на том диване, на котором вы сидели вчера вечером, и вдруг ощутил, как происходит нечто необычное: я почувствовал, что мое тело исчезло! Я открыл глаза и увидел, что мое тело на месте, ничего там не происходит, однако для меня и голова, и тело полностью исчезли. Не было никакого страха. Что было делать? Ничего! И всю ночь я проспал как дитя. Я даже не знал, как долго я проспал, и на следующее утро проснулся как будто впервые. У меня было чувство, что это первый день моей жизни, что у меня нет никакого «вчера».

Боль в голове исчезла и тела не было. Затем я пытался воскресить в памяти то, что было вчера, но мне на ум ничто не приходило. Затем я пытался вспомнить то, что было позавчера, – и вновь не было ничего – никаких идей, никаких образов, никаких «вчера». Это было необычно – однако я все еще не связывал это состояние ни с чем. Даже сегодня я не связываю его с тем, о чем говорил Дж. Кришнамурти. Я действительно не знаю...

В тот день несколько друзей пришли ко мне на обед, и в их числе был один человек, который бросил свою работу инженером и стал заниматься гомеопатией. Я рассказал им о том, что со мной происходит, что мое тело исчезло, потерялось (смеется). И этот гомеопат сказал, что я переживаю отделение тела от ума и что в гомеопатии есть от этого средство. Он был готов пойти и принести таблетки. Он сбегал к себе домой и вернулся с книгой по гомеопатии и

таблетками. Я сказал ему: «Я имею представление об отделении тела от ума, потере эго и тому подобном. Я через все это проходил, но то, что происходит сейчас, как мне кажется, очень сильно от всего этого отличается. Я не хочу принимать никакой препарат; это находится за пределами вашей медицинской науки – независимо от того, что вы говорите; не обижайтесь».

Затем мы все переехали в Гштаад, и однажды, когда я сидел там в ресторане, что-то случилось с моими глазами. Все стало выглядеть иначе, все это произошло одно за другим, а не все сразу. Я был ошеломлен. Это был своего рода панорамный вид. Я мог видеть людей, сидящих там, и все вещи. У меня было полное видение всего, вся перспектива. Это было необычно. Мой приятель гомеопат дал мне таблеток, и я принял их, просто чтобы сделать ему приятное. Однако это было чем-то за пределами химических изменений; это происходило внутри, это были изменения на уровне тела.

Я начал идти из Гштаада в Саанен; это было потрясающе. Я не осознавал тело, у меня сзади [головы] будто было что-то вроде большого вогнутого зеркала; это была будто камера, фиксированная на движущемся фургоне. В голове не было ничего, кроме этого большого вогнутого зеркала, которое двигалось в унисон моим движениям, куда бы я ни повернулся. Глаза перестали перемещаться туда-сюда, как они обычно это делали, мне приходилось разворачивать тело, и предыдущий вид тогда исчезал. Это было очень интересно – это грандиозное видение вещей.

Я описал это переживание моему знакомому художнику из Лондона, у которого также были некоторые интересные переживания. Он стал очень сложно об этом рассказывать, но сказал, что происходящее со мной было не обычным переживанием и что это вполне может быть радикальной мутацией. Я сказал, что не знаю; что бы это ни было, оно было там. Затем мы все сели ужинать. Был томатный суп. Я понял, что это томатный суп, но его вкус не появился у меня внутри. Я почувствовал, что во рту много слюны, как у животного. Я видел еду и тут же образовывалась слюна. Я положил одну ложку супа в рот; да, это был томатный суп. Хорошо; но к тому времени, как я съел вторую ложку супа, я уже забыл его вкус. Между ложками супа существовал некий временной интервал. Для меня это было еще одним ошеломляющим переживанием. Сначала глаза, а теперь это.

А затем изменился слух. Скрип, который раздавался в шале, стал для меня звучать иначе, и казалось, что слуховые нервы также меняются. А затем я взглянул на себя в зеркало и обнаружил, что мои глаза перестали моргать. Целую неделю, на протяжении всех семи дней, происходили эти изменения. На голове, шее и на левой стороне тела образовались выпуклости...

Валентина начинает описывать эти физические изменения, но, к сожалению, на пленке этого не разобрать.

* * *

Примечание: На самом деле его друзья наблюдали различной формы выпуклости на его торсе, шее и голове – на тех местах, которые в *кундалини-йоге* называют *чакрами*, энергетическими центрами, – которые то появлялись, то исчезали через регулярные интервалы. Не только Валентина, которая была с У. Г. все время, но также Дуглас Роузстоун, Терри Ньюланд, Родни Арме и несколько других друзей также наблюдали некоторые из этих изменений.

На нижней части живота были припухлости горизонтальных полос в форме сигар. Над пупком была твердая припухлость в форме миндального ореха. Твердую синюю припухлость, похожую на крупный медальон, посередине груди дополнила другая, меньшая, коричнево-красная припухлость в форме медальона у основания шеи. Будто эти два «медальона» висели на разноцветном воспаленном кольце – синего, коричневатого и светло-желтого цветов, – которое находилось вокруг его шеи, как на картинках индийских богов. Также были и

другие сходства между этими припухлостями и примерами индийского религиозного искусства: его горло так распухло и приняло такую форму, что казалось, будто его подбородок покоится на голове кобры, как на традиционных изображениях Шивы; прямо над переносицей была белая припухлость в форме лотоса; маленькие кровеносные сосуды на его голове расширились, образуя узоры, подобные бугоркам на головах у статуй Будды. Две большие твердые припухлости то появлялись, то вновь исчезали – как «рога» Моисея и даосских мистиков. Синие змееподобные артерии у него на шее вздувались.

* * *

У. Г.: Но эти изменения были для меня весьма очевидны. Через неделю их стало меньше; припухлости и боли потихоньку, шаг за шагом, исчезли. Когда я что-то съедал, я осознавал, как кровь стекает от клеток мозга к желудку; это приводило меня в невероятно умиротворенное (за неимением лучшего слова) состояние.

Через неделю я вечером лежал на том самом диване и вдруг ощутил, как мои ступни, ладони и все тело похолодело. Я подумал, что умираю, и перечислил Валентине все физические симптомы смерти, которые ощущал в теле.

Если, согласно «Тантра-йога сутре», это просветление, если это так, то человек должен умереть в течение семидесяти двух часов, но если он переживет эти семьдесят два часа, он будет жить и понесет это послание в мир – вот что написано в писаниях (смеется).

Как бы то ни было, я думал, что умираю. Жизнь вытекала из моих пальцев, из моего тела. Я лег на кровать. Это был конец; не было никакого сознания; во мне ничего не существовало. А затем через сорок восемь минут я очнулся, когда кто-то позвал меня: «Кришнамурти» (мне звонили по телефону); это вернуло меня в сознание. Это было подобно тому, как некто, болеющий тифом или с очень высокой температурой, внезапно возвращается в нормальное состояние – я вдруг наполнился энергией.

Это была окончательная и полная смерть, смерть всего, что я знал. Через сорок восемь или сорок девять минут мне позвонили по телефону, кто-то хотел со мной поговорить. Я спустился вниз и не понимал, что он (Дуглас Роузстоун) говорит, я был в каком-то оцепенении. Я не был в состоянии разговаривать. «Лучше приходи сюда», – сказал я и вернулся обратно.

* * *

В тот знаменательный день У. Г. позвонил Дуглас Роузстоун – именно благодаря его звонку У. Г. ожил. Вот его версия случившегося:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.